

ЖИТИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ПЕТРА, МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО, МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО ПРЕСТОЛА

Священномученик Петр (в миру Петр Федорович Полянский) родился 28 июня 1862 года в селе Сторожевом Коротоякского уезда Воронежской епархии в благочестивой семье приходского священника.

В 1885 году он по первому разряду закончил полный курс Воронежской Духовной Семинарии и был определен на должность псаломщика при церкви села Девицы в родном ему Коротоякском уезде. Два года спустя будущий Местоблюститель Патриаршего Престола был принят вольнослушателем, а после сдачи экзаменов – студентом Московской Духовной Академии. В студенческие годы он, по воспоминаниям его сокурсника митрополита Евлогия, отличался благодушием,

покладистостью, доброжелательностью (Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. Париж, 1947, с. 38). Академию он закончил в 1892 г. со степенью кандидата богословия, полученной за курсовое сочинение "О пастырских посланиях", и был оставлен при Академии помощником инспектора.

Одновременно с исполнением многотрудных и хлопотных обязанностей помощника инспектора будущий святитель безвозмездно преподавал Закон Божий в частном женском училище Сергиева Посада. Помимо этого он проходил еще должность секретаря Общества спасения на водах. При большой загруженности церковными и общественными послушаниями Петр Федорович Полянский находил время и для научных занятий, работал над магистерской диссертацией на тему: "Первое послание св. Апостола Павла к Тимофею. Опыт историко-экзегетического исследования", которую успешно защитил в 1897 году. В 1895 году будущий святитель – в должности церковного старосты у себя на родине, в селе Сторожевом Воронежской епархии. За особое усердие в благоукрашении приходского храма Богоявления он был удостоен архиастырской признательности.

Петр Полянский, будущий митрополит.

В 1896 году он в течение недолгого времени преподавал греческий язык в Звенигородском духовном училище.

В декабре 1896 года Указом Святейшего Синода Петр Федорович Полянский был назначен смотрителем Жировицкого духовного училища.

Ревность о деле Божием, замечательные административные способности сделали из него прекрасного труженика на ниве церковного административно-педагогического служения. Будущий святитель привел Жировицкое училище, по отзыву ревизора Нечаева, в блестящее состояние. За усердную и плодотворную службу он был в 1899 году удостоен ордена св. Станислава 3 степени, а в 1903 г. пожалован тем же орденом 2 степени.

В Жировицах, как и ранее в Сергиевом Посаде, священномученик Петр служение Церкви сочетал со служением обществу, участвуя в первой всероссийской переписи населения, исполняя обязанности члена-соревнователя Попечительства о народной трезвости, почетного мирового судьи Слонимского округа. 10 лет будущий митрополит трудился в Жировицком училище, в стенах древней обители, одного из форпостов Православия на западе России.

В 1906 году он был перемещен в столицу Империи Петербург, на должность младшего помощника правителя дел Учебного Комитета при Святейшем Синоде; впоследствии он стал членом Учебного Комитета, исполняя главным образом обязанности ревизора духовных учебных заведений. При переводе из Жировиц в Петербург священномученик Петр обнаружил подлинно христианское бессребреничество; жалование его убавилось в два с половиной раза; он лишился казенной квартиры, какую имел при училище. И это его новое недостаточное жалование оставалось неизменным вплоть до 1915 года, когда он уже был высокопоставленным чиновником, имея чин действительного советника. В 1915 году, когда в разгаре была инфляция, его будущий заместитель, а в ту пору начальник, Председатель Учебного Комитета, архиепископ Сергий (Страгородский) ходатайствовал перед директором Хозяйственного управления при Святейшем Синоде о повышении ему жалования "в размере разности между настоящим его содержанием и тем, каким он пользовался по должности смотрителя Жировицкого духовного училища, то есть в размере 1300 рублей разности в содержании и 390 рублей квартирных, всего же в размере 1690 рублей в год". (РГА, ф. 802, он. 10, л. 59).

За время служения в Учебном Комитете священномученик Петр объездил с ревизиями едва ли не всю Россию, обследовав состояние духовных семинарий, епархиальных женских училищ в Курской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Минской и в ряде других епархий, побывав в Сибири, на Урале, в Закавказье. И после каждой такой поездки им собственноручно составлялся подробный, обстоятельный отчет, в котором предлагались уместные меры по улучшению состояния обследованной школы.

В Петербурге священномученик Петр близко познакомился с архиепископом Литовским Святителем Тихоном. Еще со времени службы в Московской Духовной Академии он был в дружеских отношениях с будущим Патриархом Московским Сергием. Так Господь промыслительно соединил его узами дружбы с двумя другими Предстоятелями Русской Церкви периода гонений на нее.

За выдающиеся успехи на поприще церковного административно-педагогического служения Петр Федорович Полянский в 1916 году был пожалован высоким орденом св. Владимира.

В 1917 году Россия и Русская Православная Церковь вступили на путь тяжких испытаний. Вскоре после прихода к власти большевиков, в январе 1918 года, был издан Декрет об отделении Церкви от государства, который среди прочих дискриминационных мер, лишал Церковь прав юридического лица и предусматривал конфискацию всего церковного имущества. финансирование из казны всех церковных учреждений, в том числе и Учебного Комитета при Священном Синоде, прекратилось.

В 1918 году Учебный Комитет был закрыт, и священномученик Петр переехал в Москву, где принял участие в действиях Поместного Собора, состоя в его секретариате. На Соборе было возобновлено его близкое знакомство со Святым Патриархом Тихоном.

В 1920 году Патриарх Московский и всея России Тихон предложил священномученику Петру принять постриг, священство и епископство и стать ему помощником в делах церковного управления. Предложение это было сделано в пору кровавых гонений на Церковь, когда замучены были уже тысячи священнослужителей и более десяти архиереев, когда епископство, как и в древние времена, сулило не почет и беспредную жизнь, а голгофские страдания. И священномученик Петр отнесся к призыву Первосвятителя как к призыву свыше, от Бога. В ту пору он жил в Москве, в доме своего брата, священника церкви Николы-на-Столпах Василия Поллянского. Поведав брату и родным о предложении Святейшего Патриарха, он сказал: "Я не могу отказаться. Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но когда соглашусь, – я знаю, я подпишу сам себе смертный приговор".

Так, в 58-летнем возрасте он выбрал стезю, которая по его же словам, оказавшимся пророческими, возвела его на Голгофу. Будущий Предстоятель Русской Церкви принял постриг и благодать священства от руки митрополита Сергия, которого он впоследствии назначит своим Заместителем, а его хиротонию во епископа Подольского, викария Московской Епархии, возглавил Святейший Патриарх.

Сразу после хиротонии епископ Петр был арестован и сослан в Великий Устюг. Там он жил вначале у знакомого священника, потом в сторожке при городском соборе. В ссылке он имел возможность совершать Божественную литургию в сослужении великоустюжского духовенства.

После освобождения Патриарха Тихона из-под ареста многие сосланные и томившиеся в заключении архиереи и священники получили возможность вернуться к своему служению. Среди них был и епископ Подольский Петр. Возвратившись в Москву, он стал ближайшим помощником Первосвятителя, был возведен в сан архиепископа, потом митрополита Крутицкого и включен в состав Временного Патриаршего Синода.

По возвращении Святейшего Патриарха Тихона к церковному управлению, приходы, захваченные обновленцами, переходили под омофор Первосвятителя; священники, подчинившиеся раскольническому ВЦУ, приносили покаяние в совершенной ими измене. Перед угрозой потери влияния и власти, предводители раскола ищут объединения с Патриаршей Церковью, надеясь при поддержке гонителей Церкви – гражданских властей – возглавить ее. В окружении Святейшего Патриарха часть епископов готова была искать компромисса с раскольниками; но среди архиереев, твердо выступивших тогда против каких бы то ни было уступок обновленцам, был священномученик Петр. На совещании епископов, состоявшемся в Свято-Даниловом монастыре в конце сентября 1923 г., он высказывался против компромисса с раскольниками. И эта линия церковной политики победила.

В последние месяцы исповеднического жития Святейшего Патриарха Тихона его верным первым помощником во всех делах церковного управления, в том числе и во взаимоотношениях с гражданскими властями, был митрополит Петр.

Незадолго до своей блаженной кончины, в день Рождества Христова, Святейший Патриарх Тихон составил новую редакцию своего Завещания о преемстве

Патриаршей власти в условиях, когда невозможно было созвать избирательный Поместный Собор.

Новая редакция Завещания гласила: "В случае нашей кончины, наши Патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового Патриарха, представляем временно Высокопреосвященнейшему Митрополиту Кириллу. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященнейшему Митрополиту Агафангелу. Если же и сему Митрополиту не представится возможность осуществить это, то наши Патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященнейшему Петру, Митрополиту Крутицкому".

В день погребения Святителя Тихона, 12 апреля 1925 г., состоялось совещание собравшихся на его отпевание архипастырей; ознакомившись с текстом Завещания, епископы постановили подчиниться воле почившего Первосвятителя. Поскольку Митрополиты Кирилл и Агафангел томились в ссылке, обязанности Патриаршего Местоблюстителя возложены были на упомянутого в Завещании Митрополита Крутицкого Петра.

Возложив на себя бремя высшей церковной власти, Митрополит Петр совершил свое Первосвятительское служение в крайне трудных для Церкви условиях, когда добрая половина епископата и многие тысячи священников находились в лагерях и ссылках, когда Церковь страдала не только от внешних и явных врагов своих, но также и от спровоцированных ее гонителями расколов: нешвенный хитон Христов пытались разодрать обновленцы и украинские самосвяты, а также приверженцы иных, имевших локальное распространение, схизм. Выбирая линию церковной политики в отношениях с государственной властью и раскольниками. Митрополит Петр следовал по пути, проложенному его святым предшественником Патриархом Тихоном – твердое стояние на страже Православия, бескомпромиссное противодействие обновленчеству, лояльность в отношениях с государственной властью, но без роняющих достоинство Церкви заявлений об идеологической близости с ней или о том, что Церковь пользуется в Советском государстве свободой.

В 1925 году обновленцы готовили очередной лже-собор. Как и после освобождения Святейшего Патриарха Тихона из-под домашнего ареста, после его кончины вновь делались попытки договориться с Патриаршей Церковью об объединении; и некоторые из православных священнослужителей готовы были пойти навстречу коварным предложениям об объединении. В этих обстоятельствах Глава Церкви Митрополит Петр обратился к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви с посланием, в котором бесстрашно обличил происки раскольников, за спиной которых стояли гонители Церкви, а колеблющихся и малодушных убеждал хранить верность Православию и канонической правде.

В этом Послании говорится: "Должно твердо помнить, что по каноническим правилам Вселенской Церкви все самочинно устраиваемые собрания, как и бывшее в 1923 году живоцерковное собрание, незаконны. Поэтому на них присутствовать православным христианам, а тем более выбирать от себя представителей на предстоящие собрания канонические правила воспрещают... В Святой Божией Церкви законно и канонично только то, что благословлено Богоучреждённою Церковною властью, преемственно сохраняющейся от времен Апостольских. Всё же самочинное, все, что совершилось обновленцами без соизволения в Бозе почившего Святейшего Патриарха, все, что теперь совершается без благословения нашей мерности – Местоблюстителя Патриаршего Престола, действующего в единении со всей православной законной иерархией, – все это не имеет силы по канонам Святой Церкви (Апост. пр.34, Антиох. пр.39), ибо истинная Церковь едина и

едина пребывающая в ней благодать Всесвятого Духа... ...Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях. И мы непрестанно молим Господа Бога, да возвратит Он заблудших в лоно Святой Православной Церкви".

После издания "Послания" Патриаршего Местоблюстителя по замыслам обновленцев подчинить себе "тихоновцев" через объединение с ними нанесен был удар. В своих печатных изданиях сами раскольники последствия этого Послания оценили так: "Воззвание Митрополита Петра определило всю линию поведения староцерковников... При этом по местам легко было уже просто ссыльаться на центр что мы и видим на самом деле... Так, например, в Ленинградской епархии "среди духовенства появилась "левая группа" тихоновцев, которая склонна была идти навстречу примирительной политике Священного Синода. До появления воззвания Петра Крутицкого эта группа подавала надежды, что она окажет свое давление на епископов и постарается сдвинуть их с непримиримой позиции. Но как только появилось воззвание Петра ..., она заговорила другим языком".

В обновленческих газетах и журналах развязана была кампания травли Местоблюстителя Патриаршего Престола. Его обвиняли в сношениях с церковной и политической эмиграцией, в контрреволюционных настроениях и антиправительственной деятельности. Своего пика эта кампания достигла в той провокации, которую устроил Александр Введенский на обновленческом лже-соборе, состоявшемся в октябре 1925 г.

Незадолго до "собора" обновленческим Синодом в Уругвай был направлен Николай Соловей с титулом епископа Южной Америки. Через два месяца после выезда он выступил с заявлением, которое можно было расценить как свидетельство о раскаянии в грехе раскола. Прошел год – и Соловей прислал на имя лже-собора письмо, которое и было оглашено на нем: "Мое прегрешение перед Священным Синодом заключается в следующем: 12 мая 1924 г., за 4 дня до моего отъезда за границу, я имел двухчасовое совещание с Патриархом Тихоном и Петром Крутицким. Патриарх Тихон дал мне собственноручно написанное письмо следующего содержания: 1) что я принят и возведен в сан архиепископа; 2) что Святая Церковь не может благословить великого князя Николая Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола – великий князь Кирилл".

Грубая клевета на Патриарха и Митрополита Петра дала Введенскому повод для недостойной остроты: "Оказывается, что тихоновский корабль плавает в международных водах, и трудно сказать, где главные капитаны: за рубежом или на Крутицах." Под его диктовку была составлена резолюция: "Собор констатирует непрекращающуюся связь тихоновщины с монархистами".

Домогаясь устранения Местоблюстителя, обновленческие авторы публикуют в Известиях такую характеристику Первоиерарха: "Заматерелый бюрократ Саблеровского издания, который не забыл старых методов церковного управления. Он опирается на людей, органически связанных со старым строем, недовольных революцией, бывших домовладельцев и купцов, думающих еще посчитаться с современной властью". В недолгое время своего Первосвятительского служения в Москве Митрополит Петр часто совершал Божественную литургию в московских приходских и монастырских церквях. Особенно он любил бывать в Свято-Даниловом монастыре, арестованного священноархимандрита которого, архиепископа Феодора (Поздеевского), Местоблюститель высоко ценил за его непоколебимое стояние на страже Православия, за неукоснительное следование канонам, за обширную богословскую образованность и глубокий ум.

30 августа (12 сентября) 1925 г. на престольный праздник Патриарший Местоблюститель служил в Троицком соборе монастыря, где покоялись мощи благо-

верного князя Даниила Московского. Монастырь был заполнен молящимся народом. Путь к раке со святыми мощами устипал ковер из живых цветов. Войдя в храм, Митрополит Петр прошел к мощам святого и благоговейно приложился к ним. Некоторые монахи видели, что, когда он пошел к солее, над мощами образовалось как бы облако, в котором возник образ святого князя Даниила; и во все время, пока Митрополит шел к алтарю, образ этот сопровождал его. После службы Митрополит Петр передал возглавлявшему после ареста архиепископа Феодора Даниловскую братию архиепископу Парфению (Брянских) деньги для пересылки находившимся в ссылке священнослужителям.

Священномученик Петр помогал многим заключенным и сосланным. Он сам отправлял деньги митрополиту Казанскому Кириллу (Смирнову), архиепископу Никандру (Феноменову), своему предшественнику по Крутицкой кафедре, томившемуся в ссылке в Туркестане, секретарю Патриарха Тихона Петру Гурьеву и другим изгнанникам. Получая после службы деньги. Митрополит Петр обычно сразу отдавал их для пересылки в тюрьмы, лагеря и места ссылки. Он дал благословение приходским причтам жертвовать в пользу заключенных священнослужителей.

И эта его деятельность вызывала крайнее недовольство гонителей Церкви. В ГПУ был выработан план по устранению Митрополита Петра и учинению нового раскола. Своим орудием враги Церкви избрали несколько честолюбивых архиереев во главе с епископом Можайским Борисом (Рукиным), к этой группе принадлежал и архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), впоследствии возглавивший ее. Представители ГПУ в беседах с епископом Борисом предлагали ему образовать инициативную группу и подать от ее имени ходатайство во ВЦИК о легализации Высшего Церковного Управления, одновременно издав обращение к пастве, в котором будет подчёркнуто вполне сочувственное отношение Церкви к политике Советского правительства. После чего, уверяли епископа Бориса, Высшее Церковное Управление, епархиальные управления и православные общины будут легализованы. Епископ Борис согласился со сделанным предложением, но заявил, что один он ничего сделать не сможет, и направил представителя ГПУ к Патриаршему Местоблюстителю, рекомендая Митрополиту Петру принять предложение ГПУ. Но Местоблюститель отверг предлагаемую ему сделку; несмотря на это, епископ Борис не прекратил своих переговоров в ГПУ, одновременно домогаясь у Митрополита Петра созыва Архиерейского собора, на котором планировал отстранить Предстоятеля Церкви от Местоблюстительства. На настойчивые домогательства епископа Бориса Митрополит Петр отвечал: "Власти несомненно не допустят никакого свободного собрания православных архиереев, не говоря уже о Поместном соборе".

Представители ГПУ так формулировали свои условия, при выполнении которых они обещали нормализовать юридическое положение Церкви: 1) издание декларации, призывающей верующих к лояльности относительно советской власти; 2) устранение неугодных власти архиереев; 3) осуждение заграничных епископов и 4) контакт в деятельности с правительством в лице представителя ГПУ.

Митрополит Петр решил составить декларацию, адресованную советскому правительству, в которой он собирался показать, какими он видит отношения Церкви с государством в сложившихся обстоятельствах. По черновому проекту Местоблюстителя текст декларации написал епископ Иоасаф (Удалов). Документ этот не был передан властям, поскольку митрополит Петр считал недостойным для Церкви передавать его через представителя ГПУ, а хотел для этого встретиться с главой правительства.

Проект декларации, адресованной в Совет народных комиссаров СССР, заканчивался такими словами: "Возглавляя в настоящее время после почившего Патриарха Тихона Православную Церковь на территории всего Союза и свидетельствуя снова о политической лояльности со стороны Православной Церкви и ее иерархии, я обращаюсь в Совнарком с просьбой, во имя объявленного лозунга о революционной законности, сделать категорические распоряжения ко всем исполнительным органам Союза о прекращении административного давления на Православную Церковь и о точном выполнении ими изданных центральными органами власти узаконений, регулирующих религиозную жизнь населения и обеспечивающих всем верующим полную свободу религиозного самоопределения и самоуправления. В целях практического осуществления этого принципа я прошу, не откладывая далее, зарегистрировать повсеместно на территории СССР староцерковные православные общества, со всеми вытекающими из этого акта правовыми последствиями, и проживающих в Москве архиереев возвратить на места. Вместе с этим беру на себя смелость возбудить ходатайство перед Совнаркомом о смягчении участия административно наказанных духовных лиц. Одни из них – и притом некоторые в преклонном возрасте – не один год томятся в глухих безлюдных местах Печоры и Нарыма со своими застарелыми недугами без всякой медицинской помощи кругом, другие на суровом Соловецком острове исполняют физическую принудительную работу, к которой большинство из них совершенно не приспособлено. Есть лица, амнистированные ЦИКом СССР и после этого вот уже 2 года томящиеся в безводных степях Туркестана, есть лица, отбывшие свой срок ссылки, но все еще не получившие разрешения возвратиться на места службы.

Я решаюсь также просить и о более гуманном отношении к духовным лицам, находящимся в тюрьмах и отправляемым в ссылку. Духовенство в подавляющем большинстве изолируется по подозрению в политической неблагонадежности, а потому по справедливости к ним должен был применяться тот же несколько облегченный режим, каковой везде и всюду применяется к политическим заключенным. Между тем, в настоящее время наше духовенство содержится вместе с заключенными уголовными преступниками и иногда, регистрируемые как бандиты, вместе с ними в общих партиях отправляются в ссылку.

Выражая в настоящем ходатайстве общие горячие пожелания всей моей много-миллионной паствы, как признанный ее высший духовный руководитель, я имею надежду, что желания нашего православного населения не будут оставлены без внимания высшим правительственным органом всей нашей страны; так как представить наиболее многочисленной Православной Церкви права легального свободного существования, какими пользуются другие религиозные объединения, – это значит совершить по отношению к большинству парода только акт справедливости, который со всею признательностью будет принят и глубоко оценен православно-верующим народом".

Этот документ попал в руки властей только после изъятия его при обыске у Местоблюстителя, но умонастроение Митрополита Петра было хорошо известно властям. Они вполне понимали, что им не удастся сделать из него орудие в исполнении своих разрушительных для Церкви замыслов. 11 ноября 1925 года комиссия по проведению декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП(б) постановила: "Поручить т. Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев ... В целях поддержки группы, стоящей в оппозиции к Петру, ... поместить в "Известиях" ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора. Просмотр статей поручить т.т. Стеклову П.И., Красикову П.А. и Тучкову. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой декларации против Петра. Од-

новременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие".

В конце ноября проведены были массовые аресты священнослужителей, близких Митрополиту Петру. Среди арестованных в ноябре и декабре 1925 г. были епископы Амвросий (Полянский), Тихон (Шарапов), Николай (Добронравов), Гурий (Степанов), Иоасаф (Удалов), Пахомий (Кедров), Дамаскин (Цедрик), а также бывшие обер-прокуроры Святейшего Синода Владимир Саблер и Александр Самарин. Местоблюститель видел, что неминуем и близок его арест. Предвидя самые худшие последствия для себя, он 5 и 6 декабря 1925 г. составил два документа. В первом из них он писал: "В случае нашей кончины наши права и обязанности как Патриаршего Местоблюстителя до законного выбора нового Патриарха представляем временно, согласно воле в Бозе почившего Святейшего Патриарха Тихона, Высокопреосвященным митрополитам Казанскому Кириллу и Ярославскому Агапиту. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам тому и другому митрополиту вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые передать Высокопреосвященному митрополиту Арсению. Если же и сему митрополиту не представится возможным осуществить это, то права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя переходят к Высокопреосвященному митрополиту Нижегородскому Сергию".

В распоряжении, составленном днем позже, 6 декабря, говорилось: "В случае невозможности, по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященному Сергию (Страгородскому), митрополиту Нижегородскому. Если же сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то во временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя вступит Высокопреосвященный Михаил (Ермаков), Экзарх Украины, или Высокопреосвященный Иосиф (Петровых), архиепископ Ростовский, если митрополит Михаил (Ермаков) лишен будет возможности выполнять это мое распоряжение. Возглашение за богослужением моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным".

В эти скорбные дни Местоблюститель Патриаршего Престола составил также нечто вроде завещания, в котором он излагал свое видение положения Церкви и призывал пастырей и всех верных чад церковных хранить верность Спасителю, свято блюсти Предание Церкви и священные каноны. Он писал: "Меня ожидают труды, суд людской, но не всегда милостивый. Не боюсь труда – его я любил и люблю, не страшусь и суда человеческого – неблагосклонность его испытали не в пример лучшие и достойнейшие личности. Опасаюсь одного: ошибок, опущений и невольных несправедливостей, – вот что пугает меня. Ответственность своего долга глубоко сознаю. Это потребно в каждом деле, но в нашем – пастырском – особенно. Не будет ни энергии, ни евангельской любви, ни терпения в служении, если у пастырей не будет сознания долга. А при нем приставникам винограда Господня можно только утешаться, радоваться. Если отличительным признаком учеников Христовых, по слову Евангелия, является любовь, то ею должна проникать и вся деятельность служителя алтаря Господня, служителя Бога мира и любви. И да поможет мне в этом Господь! Вас же прошу исполнять с любовью, как послушных детей, все правила, постановления и распоряжения Церкви. ... уставы и правила ее многие считают произвольными, лишними, обремененными и даже отжившими. Но мудрецы все при всей своей самоуверенности не изобрели средств укрепить нашу волю в добре, дать человеку почувствовать сладость духовной свободы от страстей, мира совести и торжества победы в борьбе со злом, как это делают труды и подвиги, предписываемые уставами Церкви. К каким несчастным по-

следствиям может привести уклонение от церковных постановлений, показывает горький опыт братий наших по духу и плоти, отколовшихся от единения со Святой Церковью, блуждающих во мраке предрассудков, и тем самопроизвольно отчуждающих себя от упования вечной жизни. Буду молиться, недостойнейший пастырь, чтобы мир Божий обитал в сердцах наших все время жизни нашей. Для всякого православного человека, переживающего наши события, они не могут не внушать опасений за судьбу Православной Церкви, пагубный раскол, возглавляемый епископами и пресвитерами, которые забыли Бога и предают своих собратий и благочестивых мирян, – это все, может быть, не так еще опасно для Церкви Божией, которая всегда крепла, обновлялась страданиями. Но грозен, опасен дух лести, ведущий борьбу с Церковью и работающий над ее разрушением под видом заботы ..."

9 декабря 1925 года по постановлению Комиссии по проведению Декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП(б) Местоблюститель Патриаршего Престола Митрополит Петр был арестован. По распоряжению Местоблюстителя исполнение его обязанностей перешло к митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому). А для Митрополита Петра началась страда мучительных допросов и нравственных истязаний в неволе.

12 декабря состоялся первый допрос священномуученика. Его обвиняли в контрреволюционной деятельности на том основании, что он не лишил звания митрополита Киевского "заведомого контрреволюционера" Антония (Храповицкого), и не назначил на его место нового митрополита.

— Туда назначен Михаил Экзархом Украины и временно управляющим.
— Значит, он митрополит? — спросил следователь.
— Это должен решить Собор, а я назначить митрополита Киевского не компетентен, это компетенция Собора Украинского.

На допросе 18 декабря следователь спросил Митрополита Петра: "А возможно ли признание Церковью справедливости социальной революции? — Нет, невозможно, — ответил заточенный Патриарший Местоблюститель. — Социальная революция строится на крови и братоубийстве, чего Церковь признать не может. Лишь война еще может быть благословлена Церковью, поскольку в ней защищается отчество от иноплеменников и православная вера".

После нескольких допросов Митрополит Петр решил сам в записке, адресованной начальнику 6 отделения ОГПУ, осуществлявшему антицерковные акции, Тучкову, объяснить свою позицию.

"Русская церковная история, — писал он, — едва ли знает такое исключительно трудное время для управления Церковью, как время в годы настоящей революции. Тот, кому это управление поручено, становится в тяжкое положение между верующими (по всей вероятности, с различными политическими оттенками), духовенством (также неодинакового настроения) и властью. С одной стороны, приходится выдерживать натиск народа и стараться не поколебать его доверия к себе, а с другой — необходимо не выйти из повиновения власти и не нарушать своих отношений с нею. В таком положении находился Патриарх Тихон, в таком же положении очутился и я в качестве Патриаршего Местоблюстителя. Я отнюдь не хочу сказать, чтобы власть вызывала на какие-либо компромиссы в вопросах веры или касалась церковных устоев, — этого, конечно, не было и быть не может. Но у народа своя точка зрения. Простой, например, факт передачи какого-либо храма обновленцам, от которых он отворачивается с негодованием, истолковывается в смысле вмешательства власти в дела церковные и даже гонения на Церковь. И как ни странно, — в этом он готов видеть чуть ли и не нашу вину... Те-

перь спрашивается, какая же в данном случае должна быть линия моего поведения? Я решил сблизиться с народом...

Вот почему я очень редко обращался к Вам со своими заявлениями. Не скрою и другого мотива этих редких обращений, – мотив этот опять-таки кроется в народном сознании. Простите за откровенность, – к человеку, который часто сносится с ГПУ, народ доверия не имеет.

На мое управление имели значение и некоторые влияния, – их я не старался избегать. Мои собратья-архиереи были неодинакового настроения в церковном отношении, одни были либерального, другие – строго церковного. С мнением последних я считался и их советами пользовался, так как народ относился к ним с большим доверием и даже называл некоторых из них столпами Церкви... Но их суждения не выходили за пределы церковности. Замечательно, что никто из более либеральных архиереев никогда не высказал даже намека на какое-либо порицание этих строго церковных архиереев. И не называл их лицами с какой-либо политической окраской... Лиц из светской интеллигенции я почти не знал и сношений с ними не имел, если не считать известного Вам случая обращения к Д.Д. Самарину, как бывшему своему обер-прокурору и человеку весьма образованному в церковной сфере. Правда, доносились пожелания, чтобы я был тверд на своем месте и строго охранял православную веру и церковные порядки. Признаюсь, пожелания эти для меня были небезразличны, я к ним прислушивался и в некоторых случаях руководился ими..."

Митрополит Петр страдал в застенке ГПУ не только от тяжких условий неволи и изнурительных допросов; еще большую боль причиняли ему тревога за судьбу Церкви, ответственность за которую он нес перед Богом. Назначенный им Заместитель митрополит Сергий взял на себя бремя церковного управления, но власти не разрешали ему переехать из Нижнего Новгорода в Москву. Тем временем в Москве вокруг епископа Можайского Бориса, интригавшего против Митрополита Петра в сотрудничестве с агентами ГПУ, и архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) сложилась группа епископов, которые самочинно объявили об образовании Высшего Временного Церковного Совета (ВВЦС), которому усваивали полноту церковной власти. Митрополит Сергий запретил архиепископа Григория и единомышленных с ним архиереев за учение раскола в священнослужении.

До Митрополита Петра сведения о церковных событиях доходили в урезанном виде; дозировали их поступление к нему Тучков и сотрудники ОГПУ: их целью было дезинформировать Патриаршего Местоблюстителя, подтолкнуть его на неверные шаги и тем запутать и ещё более усложнить ситуацию с высшим церковным управлением, привести ее к полному расстройству и обезглавить Церковь.

В этих целях Тучков разрешил архиепископу Григорию встретиться в тюрьме с Митрополитом Петром. В своем докладе на имя Местоблюстителя архиепископ Григорий предложил утвердить в качестве высшей церковной власти коллегию из четырех архиереев, в которую он включил себя и единомышленных с ним епископов из ВВЦС. Опасаясь за судьбу церковного управления, страшась церковной анархии и раскола, Митрополит Петр в резолюции на докладе архиепископа Григория поручил временное исполнение обязанностей Местоблюстителя трем архиереям: архиепископу Екатеринбургскому Григорию, Владимировскому Николаю (Добронравову) и Томскому Дмитрию (Беликову); исключив из предлагавшегося списка тех, кого предлагал архиепископ Григорий. Во время этой беседы архиепископ Григорий, а также уполномоченные ОГПУ Тучков и Казанский скрыли от Митрополита Петра то обстоятельство, что архиепископ Николай арестован, а архиепископ Дмитрий лишен возможности прибыть в Москву. Подозревая, что

творится что-то неладное, что его обманывают, Митрополит Петр после долгих раздумий попросил включить в создаваемую коллегию и такого авторитетного и выдающегося архипастыря как митрополит Арсений (Стадницкий).

— Пожалуйста, — согласился Тучков, — напишите телеграмму о вызове, а мы пошлем.

Местоблюститель составил телеграмму, но Тучков ее по адресу не послал. Находясь в одиночном заключении, лишенный надежных сведений о положении Церкви, Митрополит Петр тяжело скорбел, сомневаясь в правильности принятого решения об образовании коллегии. Все это сказалось на его здоровье; после встречи с архиепископом Григорием он заболел тяжелым нервным расстройством и 4 февраля был помещен в тюремную больницу.

Зная о том, что резолюция Митрополита Петра о передаче церковной власти коллегии из трех архиереев явилась следствием введения его в заблуждение и, учитывая то обстоятельство, что такая коллегия образована не была, а резолюция Местоблюстителя выдавалась группировкой архиепископа Григория и епископа Бориса как санкция на деятельность ВВЦС, который очень скоро был зарегистрирован гражданской властью, митрополит Сергий, опираясь на поддержку почти всего епископата Русской Церкви, продолжал исполнять обязанности Заместителя Местоблюстителя.

Между тем в Пермской тюрьме Тучков встретился с митрополитом Агафангелом, вторым кандидатом на пост Патриаршего Местоблюстителя по завещанию Патриарха Тихона; владыке разрешили выехать из Перми, где он отбывал ссылку, в свой кафедральный город Ярославль; одновременно Тучков, представив ему в самом негативном виде дела с высшим церковным управлением, которые особенно обострены были борьбой между митрополитом Сергием и ВВЦС во главе с архиепископом Григорием, предложил митрополиту вступить в исполнение обязанностей Местоблюстителя. Тучков при этом обещал митрополиту Агафангелу без промедления зарегистрировать церковное управление, которое он возглавит. Митрополит Агафангел недооценил коварства Тучкова и поверил ему. 18 апреля 1926 г. он отправил из Перми послание, в котором объявил о своем вступлении в должность Местоблюстителя, которую на законном основании занимал Митрополит Петр. Послание митрополита Агафангела способно было вызвать новый раскол в Церкви.

2 мая Тучков докладывал на заседании комиссии по проведению декрета об отделении Церкви от государства об успехах в провоцировании расколов. Комиссия постановила: "Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным Местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на Патриаршее Местоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию — Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием как самостоятельную единицу. Выступление Агафангела с возвзванием к верующим о принятии на себя обязанностей Местоблюстителя признать своевременным и целесообразным. Дело о митрополите Петре выделить и продолжать дальнейшее следствие в течение 1 – 2-х месяцев. Поручить ОГПУ этим временем окончательно выяснить положение о взаимоотношениях Местоблюстителей Сергия и Агафангела, после чего и решить вопрос о дальнейшем содержании Петра".

22 мая митрополит Сергий сообщил в письме Местоблюстителю о том, что владыка Агафангел получил свободу и претендует на возглавление Церкви. Заместитель Местоблюстителя просил узника воздержаться от передачи ему Местоблюстительства. Тучков, желая, чтобы ситуация с высшей церковной властью еще

более усложнилась, передал это письмо заключенному Митрополиту и настойчиво предлагал ему отказаться от Местоблюстительства, обещал в этом случае легализовать церковное управление, Митрополита Петра освободить из уз и дать ему возможность беспрепятственно отправиться на лечение на Кавказ или в Крым.

Введенный в заблуждение относительно истинных намерений ОГПУ, лишенный всякого честолюбия, Митрополит Петр в письме от 22 мая приветствовал решимость митрополита Агафангела взять на себя бремя Местоблюстительства, предполагая вопрос об окончательной передаче своих обязанностей решить по возвращении из ссылки первого кандидата в Местоблюстители, согласно завещанию Патриарха Тихона, митрополита Кирилла. Митрополит Кирилл свободы не получил, и 9 июня Митрополит Петр в письме на имя митрополита Агафангела подтвердил передачу ему Местоблюстительства. Однако по богоумдрой осторожности свое решение он сопроводил оговоркой: "В случае отказа митрополита Агафангела от восприятия власти или невозможности ее осуществления права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а заместительство – митрополиту Сергию". Оговорка эта оказалась спасительной. Митрополиту Сергию удалось убедить митрополита Агафангела в пагубности его намерения, и 12 июня владыка Агафангел в письме на имя Митрополита Петра отказался от поста Патриаршего Местоблюстительства. План Тучкова вызвать еще один раскол в "Тихоновской" Церкви провалился.

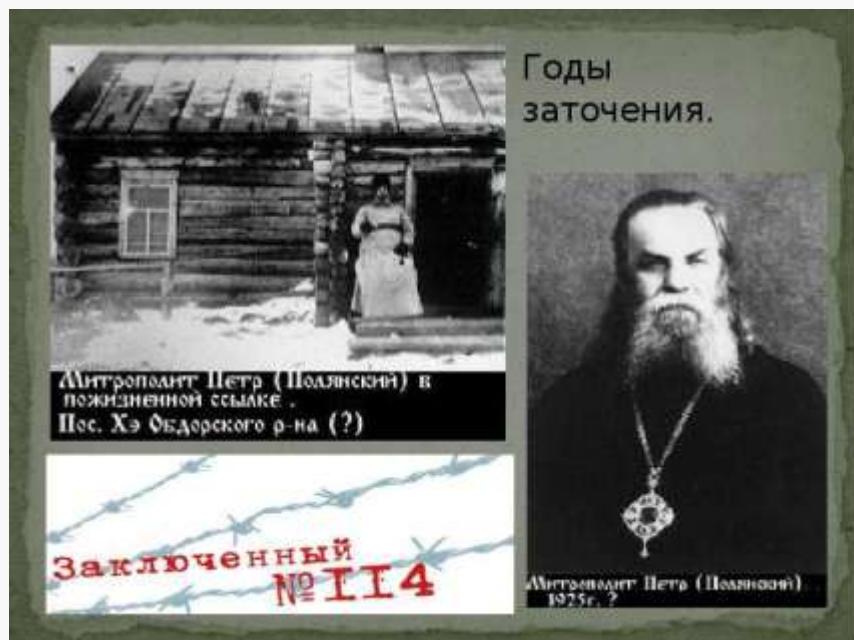
После этого священномученик Петр был переведен в Сузdalский политизолятор, где содержался в одиночной камере, в полной изоляции от внешнего мира, не получая известий о происходящем за стенами тюрьмы, о положении Церкви.

Некоторое время спустя Тучков снова вел переговоры с Митрополитом Петром, предлагая ему на этот раз учредить Синод с обязательным включением в него архиепископа Григория и при условии, что митрополит Сергий будет лишен прав заместительства и получит назначение в дальнюю Красноярскую епархию. На вопрос о том, будет ли участвовать в заседаниях Синода сам Местоблюститель, Тучков дал уклончивый ответ: при необходимости члены Синода смогут проводить заседания в Сузdalском политизоляторе. Главной целью Тучкова было добиться устранения Заместителя Местоблюстителя, и он клеветал на митрополита Сергия, обвиняя его в интригах и политиканстве, но Митрополит Петр решительно отказался от коварных предложений своего главного палача. Через несколько лет он писал председателю ОГПУ Менжинскому, вспоминая о предложении Тучкова: "... По отношению к митрополиту Сергию, одному из заслуженных, просвещенных и авторитетнейших архиереев, к которому последние относились с уважением и перед которым выражала свою восторженную симпатию и управляемая им паства, – предлагаемая мера была бы посягательством на его достоинство и неслыханное для него оскорблечение... Это перешло бы всякие пределы справедливости. А относительно архиепископа Григория должен сказать, что архиерей, лишенный кафедры и подвергшийся запрещению, не может быть членом Синода".

5 ноября 1926 г. Митрополит Петр был приговорен к 3 годам ссылки. В декабре его этапировали через пересыльные тюрьмы в Тобольск. Только тогда, освобожденный из одиночного заключения, он узнал о положении церковных дел, и 1 января в Пермской пересыльной тюрьме составил послание, в котором подтвердил упразднение коллегии, утвердил запрещение в священнослужении архиепископа Григория и единомышленных с ним архиереев, наложенное его Заместителем, и сообщал пастве о решении митрополита Агафангела об отказе от притязаний на Местоблюстительство.

21 января 1927 г. на свидание к Митрополиту Петру в пересыльную Екатеринбургскую тюрьму пришел архиепископ Григорий, и в беседе с ним Митрополит подтвердил, что между ними нет молитвенно-канонического общения, что архиепископ вместе со своими сторонниками учинили раскол, который не может быть терпим в Церкви. Тогда же Местоблюстителю Патриаршего Престола удалось передать свое обращение на волю, и оно стало широко известно в церковных кругах.

Местом ссылки Митрополита Петра назначено было село Абалак. В феврале 1927 г. узник был доставлен туда; ему велено было поселиться на территории закрытого Абалакского монастыря. Пока ремонтировали отведенную ему комнату в монастыре, святитель жил в поселке. Монахиня Иоанновского монастыря Евгения (Манежных) помогала владыке по домашнему хозяйству, но ежедневную работу 65-летний старец выполнял сам – топил печь, варил пищу, убирал жилье. Прожил он там, в относительном покое, недолго. В начале апреля его снова арестовали и доставили в Тобольскую тюрьму. Участь арестованного Главы Русской Православной Церкви решал ВЦИК, по постановлению которого он был сослан за Полярный круг, на берег Обской губы в поселок Хэ.

Там, лишенный всякой медицинской помощи, уже тяжело больной, он был обречен на медленное умирание.

Местные священники, обдорский, абалакский и хэнский, были обновленцами, и к сосланному Местоблюстителю относились неприязненно. Митрополит Петр в обновленческие храмы не ходил, а глядя на него, перестали их посещать и другие верующие, которые раньше, из-за отсутствия православных храмов, ходили к раскольникам.

В конце 1928 г. заканчивалась трехлетняя ссылка священномученика Петра, но 11 мая 1928 года Постановлением Особого совещания ОГПУ срок ссылки был продлен на 2 года. Здоровье святителя становилось все хуже; он с трудом переносил лютый северный климат, особенно в зимние месяцы в связи с полярной ночью.

15 июля 1928 г. он направил заявление в ОСО ОГПУ и во ВЦИК: "... Оставление меня в селе Хэ Обдорского района, далеко за Полярным кругом, среди суровой обстановки слишком пагубно отражается на моем здоровье, которое после мо-

его годичного проживания здесь пришло в окончательный упадок. Дальнейшее оставление меня в настоящем, трудно переносимом климате,... равносильно обречению на смерть". Заявление узника последствий не возымело.

29 марта 1929 года ГПУ провело у владыки обыск. Искали переписку, но ничего не нашли. Митрополит не хранил у себя письма.

Особенно большие страдания причиняла сосланному Местоблюстителю Патриаршего Престола тревога за судьбу Церкви. Гонения на нее не прекращались. Арестовывали архипастырей, пастырей и самоотверженных, стойких церковных деятелей из мирян. 12 декабря 1926 года по обвинению в причастности к нелегальным выборам Патриарха арестован был Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергий. После его ареста обязанности Заместителя исполняли митрополит Иосиф (Петровых), а после вскоре последовавшего ареста митрополита Иосифа, архиепископ Серафим (Самойлович). По освобождении митрополита Сергия и его возвращении к исполнению обязанностей Заместителя Местоблюстителя, он вместе с образованным им Временным Патриаршим Синодом издал "Декларацию", в которой подчеркивал лояльность Церкви государственной власти. Изданье этого документа, а также переводы архиереев с кафедры на кафедру по требованию властей и увольнение на покой епископов, находившихся в лагерях и ссылках, вызвали протесты нескольких архипастырей, некоторые из них порвали общение с митрополитом Сергием.

Летом 1929 года епископ Дамаскин (Цедрик), один из них, через монахиню Ирину (Бурову) передал сосланному Митрополиту Петру письмо Местоблюстителю, в котором сообщал ему о новых нестроениях в Церкви, и просил ответов на разные вопросы церковной жизни, в том числе и о границах полномочий митрополита Сергия. Вместе со своим письмом епископ Дамаскин передал Местоблюстителю и копии критических писем митрополита Кирилла к митрополиту Сергию, и также письма других архиереев с критикой "Декларации".

Ознакомившись с представленными ему документами, Митрополит Петр в декабре 1929 г. направил своему Заместителю письмо, не лишенное чувства горечи. "Мне сообщают о тяжелых обстоятельствах, складывающихся для Церкви в связи с переходом границ доверенной Вам церковной власти. Очень скорблю, что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Церковью".

Заточенный Первосвятитель не знал всех обстоятельств церковной жизни, он не знал, что митрополит Сергий лишен был возможности поддерживать с ним общение через переписку: и поэтому вынужден был принимать решения по делам церковного управления, не обсуждая их предварительно с Патриаршим Местоблюстителем. Завещательное распоряжение Митрополита Петра, которым он назначил его своим Заместителем, не содержало в себе никаких ограничений его полномочий, не содержало и требования о необходимости предварительного обсуждения с ним принципиально важных решений. "О себе лично скажу, – пишет в заключении письма Митрополит Петр, – что я прошел все виды страданий, какие можно себе представить, казалось, что у меня одно время года – время скорби, но Господь, видимо, не оставляет меня. Он поддерживает мои силы, ослабляемые тяжелыми условиями изгнания, и вносит в душу успокоение, которое если и отравляется, то только болью о Церкви ..."

В феврале 1930 года Митрополит Петр отправил из поселка Хэ второе письмо своему Заместителю.

"Я постоянно думаю о том, – писал он, – чтобы Вы являлись прибежищем для всех истинно верующих людей. Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносит-

ся Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникающих раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях. Может быть, эти сообщения пристрастны, может быть, я достаточно не знаком с характером и стремлением лиц, пишущих мне. Но известия о духовном смятении идут из разных мест, и главным образом, от клириков и мирян, оказывающих на меня сильное давление. Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания – это послужило бы не для блага Церкви. ...Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства ..."

В сопроводительной записке к письму Митрополит Петр среди прочего написал: "Ваши полномочия есть Богом благословенные и имеют обязательную силу".

Когда письма Митрополита Петра получили огласку, власти были встревожены тем, что плененный ими Глава Русской Православной Церкви продолжает активно влиять на ход церковных дел. 17 августа 1930 года он был арестован. Приближался конец срока ссылки, и Митрополит Петр, не зная, что его ожидает в действительности, все свои вещи раздал нищим. Три месяца его продержали в Тобольской тюрьме, потом перевели в тюрьму Екатеринбурга.

Там его допрашивал уполномоченный ОГПУ – однофамилец владыки. Он предложил узнику снять с себя звание Патриаршего Местоблюстителя, угрожая в противном случае продлением тюремного заключения. В заявлении, поданном на имя Председателя ОГПУ Менжинского 27 марта 1931 года, священномученик Петр откровенно объяснил причины, по которым он не может согласиться с предложением ОГПУ:

"Прежде всего, я нарушил бы установленный порядок, по которому Местоблюститель остается на своем посту до созыва Поместного Собора. Собор,озванный без санкции Местоблюстителя, будет считаться неканоническим и постановления его недействительными... Далее, моя смена должна повлечь за собою и уход моего Заместителя митрополита Сергия... К такому обстоятельству я не могу отнести равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений и, конечно, вина ляжет на меня... Лично о себе я не хлопочу: дней моей жизни осталось немного... Я только опасаюсь, что распоряжением и деланием наобум могу нарушить свой долг и внести смуту в души верующих".

В ноябре 1930 года против Митрополита Петра было возбуждено новое дело по обвинению в том, что, находясь в ссылке, он "вел среди окружающего населения пораженную агитацию, говоря о близкой войне и падении сов. власти и необходимости борьбы с последней, а также пытался использовать Церковь для постановки борьбы с сов. властью". Обвинение было явно клеветническим. Для того, чтобы хоть чем-нибудь обосновать его, начальнику Тобольского Окружного ОГПУ было приказано "раздобыть данные, уличающие Петра Полянского в сношении с церковниками и попытках руководства Церковью в антисоветском направлении, обратить внимание на его связи с тобольским духовенством... Подтвердить свидетельскими показаниями все факты антисоветской агитации со стороны Полянского, и в особенности факты направления верующих на активную борьбу с обновленцами".

Вызванный на допрос 30 ноября, Митрополит Петр показал: "Я написал митрополиту Сергию письмо, в котором сообщил о дошедших до меня слухах о том, что в Церкви происходят раздоры и разделения... Далее, находясь в Абалаке, ссыльный священник обратился ко мне с предложением, очевидно, идущим из Тобольска, о награждении некоторых духовных лиц. Я ему ответил, чтобы мест-

ный архиерей написал мне по этому поводу. Со своей стороны я имел в виду представить это митрополиту Сергию со своим мнением".

12 декабря Митрополиту Петру было предъявлено обвинительное заключение. В этот день он собственноручно записал показание: "В предъявленном обвинении виновным себя не признаю..."

За допросами последовало одиночное заключение в Екатеринбургской тюрьме, продолжавшееся почти год – без передач, без свиданий с кем бы то ни было, кроме уполномоченных ГПУ и тюремных надзирателей, почти без прогулок, без медицинской помощи. Здоровье 69-летнего узника, некогда необычайно крепкое, было подорвано. Мучительные боли наступали после каждого приема пищи. Ночами мучали приступы астмы. От духоты тюремной камеры часто случались обмороки, во время которых узник часами лежал на холодном тюремном полу.

Весной 1931 года в Екатеринбургскую тюрьму явился Тучков, и на допросе Митрополита Петра сделал ему циничное предложение – стать осведомителем, угрожая в случае отказа новым сроком заключения. Предложение это было отвергнуто узником с негодованием.

Страдания Митрополита Петра после визита Тучкова были настолько тяжелы, что спустя несколько дней его парализовало; отнялись правая рука и нога. Рука впоследствии поправилась, а нога так окончательно и не выздоровела, что вызывало затруднения при ходьбе.

После ареста прошло 9 месяцев, но Местоблюстителя не выпускали из одиночки. 25 мая 1931 года он писал Менжинскому: "В настоящее время я настолько изнурен, что затрудняюсь двигаться, стоять и даже говорить. ...За все время ареста я еще ни разу не видел солнца... Убедительно прошу Вас освободить меня из заключения и возвратить на место постоянного жительства, где бы я мог основательно заняться лечением у пользовавших меня раньше профессоров и иметь общение с сослуживцами архиереями – моим Заместителем и другими".

"Дело" Митрополита Петра рассматривалось 23 июля 1931 года Особым совещанием ОГПУ, которое постановило: "Полянского – Крутицкого Петра Федоровича заключить в концлагерь сроком на 5 лет. Считая срок с момента настоящего постановления", иными словами, без зачета года, проведенного в одиночной камере. В администрацию Екатеринбургской тюрьмы направлена была служебная записка, составленная сотрудниками ОГПУ Аграновым и Тучковым: "Полянского (Крутицкого) Петра Федоровича, осужденного к заключению в концлагерь, просьба содержать под стражей во внутреннем изоляторе".

После объявления приговора следователь посоветовал Митрополиту Петру раскаяться и написать покаянное заявление о своем участии в Союзе русского народа.

– Я не только не участвовал в такой организации, – ответил узник, – но даже и не слышал, чтобы подобная организация существовала в Советском Союзе.

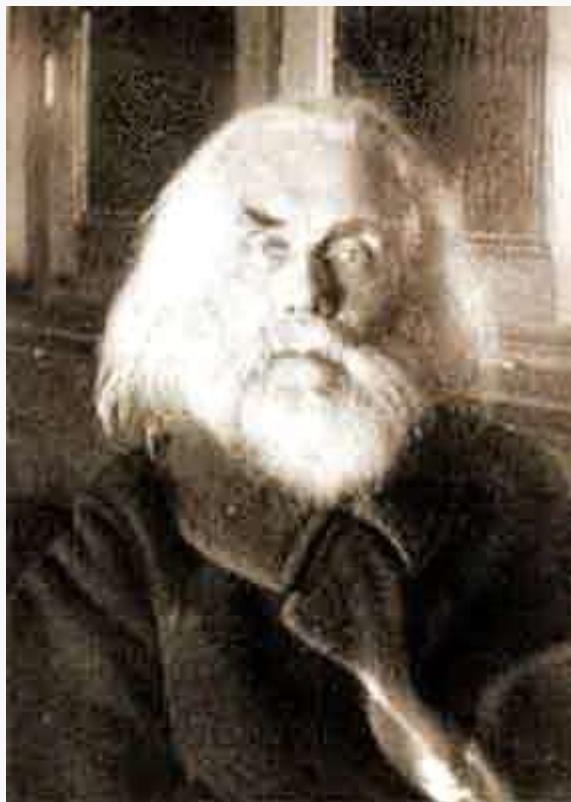
Томясь в тюремном изоляторе, священномученик тяжело страдал от мучительных условий его заключения, от усугубившихся болезней. Не постигая еще всей меры бесчеловечности той власти, которая обрекла его без всякой вины на тяжкие страдания и смерть в неволе, он продолжает обращаться к своим палачам с заявлениями, в которых просит об облегчении своей участи.

"Я постоянно стою перед угрозой более страшной, чем смерть, – писал он. – Меня особенно убивает лишение свежего воздуха, мне еще ни разу не приходилось быть на прогулке днем; не видя третий год солнца, я потерял ощущение его. ...Болезни все сильнее и сильнее углубляются и приближают к могиле. Откровенно говоря, смерти я не страшусь, только не хотелось бы умирать в тюрьме, где не

могу принять последнего напутствия и где свидетелями смерти будут одни стены.
Поступите со мной согласно постановлению, ...отправьте в концлагерь..."

В июле 1933 года условия заключения Патриаршего Местоблюстителя были еще более ужесточены: ему заменили ночные прогулки в общем дворе на прогулки в прохожем дворике, подобном сырому погребу, на дне которого постоянно скапливалась вода, а воздух был наполнен испарениями отхожих мест. Когда заточенный Митрополит впервые увидел ночью свое новое место прогулки, ему стало дурно; он едва смог добраться до камеры и не сразу потом пришел в себя.

Митрополита Петра мучили для того, чтобы заставить его отказаться от Местоблюстительства. Он тяжко страдал от годичного заключения, от бесчеловечного содержания в тюрьме, от изнурительных болезней и, прося власти об облегчении своей участии, в этом он не мог пойти навстречу требованиямластей. Он знал, какие пагубные для Церкви последствия может иметь его отречение от звания Местоблюстителя. Объясняя свою позицию в заявлении властям, Митрополит Петр писал: "В сущности Местоблюстительство лично для меня не представляет интереса, наоборот, оно все время держит меня в оковах гнета... Но я должен считаться с тем обстоятельством, что решение данного вопроса не зависит от моей инициативы и не может быть актом моей единоличной воли. Своим званием я неразрывно связан с духовными интересами и волей всей Поместной Церкви. Таким образом, вопрос о распоряжении Местоблюстительством, как не являющийся личным вопросом, не подлежит и личному усмотрению, в противном случае я оказался бы изменником Святой Церкви. Между прочим, и в акте о моем вступлении имеется напоминание, что я обязан не уклоняться от исполнения воли Патриарха Тихона, а следовательно, и воли подписавшихся к акту архиереев ..., равно как и воли клира и верующих, девятый год состоящих со мной в молитвенном общении". Сохраняя за собой звание Местоблюстителя ради блага Церкви, ценой тяжких мучительных страданий Митрополит Петр совершал подвиг исповедничества.

Шли годы, а он оставался в заточении, где условия его содержания становились все более страшными. Священномученика перевели из Свердловской в Верхнеуральскую тюрьму особого назначения. Надзирателям было запрещено выводить его в такие места, где бы он мог встретить других узников. Срок его заключения заканчивался 23 июля 1936 года, но за две недели до окончания срока Особым совещанием при НКВД СССР было решено продлить заключение Митрополита Петра еще на 3 года. Президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство Особого совещания НКВД о продлении срока. 1 сентября 1936 года об этом было объявлено узнику.

В конце 1936 г. в Патриархию поступили сведения о смерти Местоблюстителя Патриаршего престола. В январе 1937 года по нему отслужена была панихида в Богоявленском соборе.

В декабре 1936 года, согласно завещанию Митрополита Петра, составленному 5 декабря 1925 года, митрополиту Сергию был усвоен титул Патриаршего Местоблюстителя.

Между тем, Митрополит Петр был еще жив. Но в июле 1937 года по распоряжению Сталина был издан приказ о расстреле в течение четырех месяцев всех находившихся в тюрьмах и лагерях исповедников. В соответствии с этим приказом администрация Верхнеуральской тюрьмы составила обвинение против Митрополита Петра: "Отбывая заключение в Верхнеуральской тюрьме, проявляет себя непримиримым врагом Советского государства, клевещет на существующий государственный строй ..., обвиняя в "гонении на Церковь", "ее деятелей". Клеветнически обвиняет органы НКВД в пристрастном к нему отношении, в результате чего якобы явилось его заключение, так как он не принял к исполнению требование НКВД отказаться от сана Местоблюстителя Патриаршего престола".

2 октября 1937 года тройка НКВД по Челябинской области приговорила Митрополита Петра к расстрелу. Священномученик Петр был расстрелян 27 сентября (10 октября) в 4 часа дня, увенчав свой исповеднический подвиг пролитием мученической крови за Христа и Церковь. Место погребения священномученика Петра остается неизвестным.^[2]

Примечания

^[1] Игumen Дамаскин. "Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия". Тверь, Издательство "Булат", т.1 1992, т.2 1996, т.3 1999, т.4 2000, т.5 2001.

^[2] Составлено по: Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, Митрополит Крутицкий.

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия, Жизнеописания и материалы к ним. Кн.2. Тверь, 1996, стр.341-369; Примечания (80-92); стр. 470-511.